

Возвращение

*Посвящаю эту книгу всем,
кому сейчас трудно учиться.
Цените каждый маленький шаг,
и вы дойдете до заветной цели!*

Глава 1

Странные вещи

Самолет трянуло. Потом еще раз. Заплакал-закричал чей-то ребенок. Что-то грохнуло, послышался приглушенный крик: «Осторожней!» Мы нырнули куда-то вниз, и я открыла глаза. В ушах колело, страшно болела шея, во рту было сухо, в висок уткнулось что-то крепкое и острое. О! Это же Марино плечо!

Я распрямилась и потянулась в кресле. Ребенок кричал и кричал, с каждой секундой всё громче. Я поморщилась: не люблю младенцев. Лучше б дети сразу рождались, например, шестилетними, чтобы можно было с ними нормально общаться и чему-нибудь учить.

Марина смотрела в иллюминатор. Странное нам предстояло дело: расстаться. Странно, очень странно... Родители, которые ждали меня в Москве, представлялись такими же далекими, как сеньора Рибаль и ее сын Хорхе, оставшиеся в Барселоне. А Марина, с которой было так непросто на этих испанских каникулах, наоборот, казалась родной и близкой. Я не могла даже вообразить, что мы скоро скажем друг другу «пока!» и больше не увидимся...

— Ты где в Москве живешь? — спросила я тихо.

— На Кутузовском, — не поворачиваясь, ответила она. — А ты?

— Недалеко от Новослободской... — неопределенно протянула я.

Не хотелось признаваться, что живу не в модном районе. Разбужу в ней сноба — сама потом пожалею.

— Мне снилось, что мы столкнулись с птеродактилем, — призналась я. — С таким огромным, знаешь? Крылья кожистые, с перепонками.

— Это был не сон, это правда, — мрачно ответила Марина. — Самолет всё время так трясло, будто мы от целой стаи птеродактилей улепетывали.

Я засмеялась, и, словно в подтверждение, нас опять тряхнуло. Внизу что-то загудело. Наверное, самолет выпустил шасси.

— Пилот на свидание, что ли, торопится?! — возмутилась Марина. — Эй, поосторожнее, не дрова везешь!

Эта неказистая шутка развеселила меня еще больше. Вдруг охватило какое-то истерическое веселье, всё вокруг казалось нелепым и забавным: и старушка, которая вцепилась в спинку кресла перед собой, и дремавший возле меня лысый дядечка, и мадам в золоте с головы до ног, внимательно изучавшая рекламу в журнале. Но больше всего веселили Маринины комментарии, которые с каждой секундой становились всё более сатирическими.

— Знаешь, что скажет мама при встрече? Что у Тани самолет никогда не опаздывал!

— А моя, — подхватила я, — моя мама сразу спросит: «Ты купила синюю юбку? А почему нет? Ну вот как теперь без синей юбки?» И правда, как?

— А потом моя скажет: «Ты наверняка голодная!» И возражать бесполезно: потащит в кафе и накормит по самые уши!

— Ой, а мои-то, еще пока я в Испании была, поехали то ли за свининой, то ли за говядиной на рынок. В общем, решили срочно откармливать чадо, отощавшее на испанских харчах!

Так мы веселили друг друга, упражняясь в остроумных догадках до самого паспортного контроля. Впрочем, даже суровые пограничники не усмирили нас, а наоборот — вызвали новый взрыв веселья. У багажной ленты мы толкались локтями, строили друг другу рожицы, замолкали на секунду, оглядываясь с деланным смирением, а потом снова принимались шутить и смеяться.

— Марина-а, — протянула я, когда мы наконец получили свои чемоданы и покатали их к выходу. — У меня уже живот болит, хорош!

— Ты как в анекдоте, — откликнулась Марина. — Приходит человек к хирургу и говорит: «У меня живот болит!» А тот: «Давайтеотрежем». Человек в ужасе бежит к терапевту: «Я у хирурга был, на боль в животе пожаловался, а он — давайтеотрежем!» «Ох уж эти хирурги, — ворчит терапевт. — Чуть что, сразу резать... Вот вам таблетки, два дня попейте, живот сам отвалится!»

Я захохотала так громко, что на меня обернулось пол-аэропорта. И тут послышалось:

— Ма-ша!

И я увидела маму с папой. Папа облокотился на металлическое ограждение, а мама нетерпеливо подпрыгивала рядом и махала руками. Я устремилась к ним, они — навстречу. Я вжала нос в мамино плечо, обхватила за шею папу. Такие теплые, родные, домом пахнут... Но стоп!

— Погодите! Неудобно перед...

Я обернулась. Марины уже нигде не было. Странная девушка. Исчезла, не попрощавшись.

Ну ладно. Есть же «ВКонтакте», не потеряемся...

Сейчас меня больше волновало другое — родители поняли, что я повзрослела?

Вот я это чувствую, и даже очень. Я ведь почти месяц жила без них в чужой стране! Со мной могло произойти что угодно! Но не произошло. Я справилась, я молодец. Наверное, папа сейчас начнет восхищаться, а мама завалит вопросами. Главное, держаться с достоинством, на вопросы отвечать не торопясь, вдумчиво, не перебивая родителей, как малыш, а спокойно и степенно пересказывая события и приключения.

Но родители что-то не торопились ни восхищаться, ни спрашивать про Испанию. Папа подхватил чемодан, а мама, потрепав меня по спине, быстро проговорила:

— Я на минутку, подождите у выхода! — и куда-то убежала.

— Вы давно меня ждете? — спросила я.

— Минут десять.

— А... А я уже решила, что больше часа. Раз маме так при-
спичило. Она же брезгливая у нас.

— Что поделаешь, — развел папа руками. — Спать хочешь?

— Нет...

Честно говоря, я хотела спать. Но взрослые никогда в этом не признаются. И еще мне хотелось поскорее начать отвечать на всякие вопросы. Поэтому я повторила:

— Нет-нет, спать совсем не хочется.

Папа собирался что-то сказать, но тут вернулась мама. Она прижимала к носу бумажную салфетку.

— Дядька передо мной прошел, — сообщила она, — так по́том кошмарно пах, меня чуть не вырвало.

— Бедная, — сказал папа, поднимая мой чемодан. — Ну? Идем?

— Нет, ну как так можно? — продолжала мама, по-прежнему не убирая салфетку от носа. — Не моется он совсем, что ли?

Но меня занимало другое. Они дочь не видели месяц. Почему же тогда обсуждают не мои дела, а какого-то неаро-
матного дядьку?!

Веселье, которым я искрила пять минут назад, куда-то исчезло. Как будто меня посадили в коробку и захлопнули сверху крышку. А в коробке темно и грустно. А может, ве-
селье забрала с собой Марина вместе с запахом персиковых духов, по которым я уже начала немного скучать...

— Давайте скорее, парковка платная! — поторопил папа.

— Маша, надень кофту, прохладно, — сказала мама.

Я пошла за папой, не став спорить с мамой, но сама ду-
мала вот о чем. То, что было в Испании, теперь казалось прекрасным сном. И то, что происходило сейчас, тоже напо-
минало сон, только унылый. Я как будто застряла между дву-
мя снами, между огромными мыльными пузырями. Из од-
ного выскочила, но войти в другой всё никак не получалось.

Глава 2

Volver*

Светало. За окном неровным заборчиком тянулась гряда деревьев, словно вырезанная неумелой детской рукой из темно-синей бумаги. Я и отвыкла, что их может быть так много...

* Вернуться, возвратиться (*исп.*).

— Красиво у вас тут в России, — решила я пошутить.

Папа хмыкнул. А мама даже не услышала.

— Ты забрал мою справку? — спросила она.

— Какую?

— Для работы...

— А должен был?

— Издеваешься?! — негромко спросила мама.

Папа ответил ей что-то совсем тихо. А потом они оба замолчали, задумались каждый о своем.

Честно говоря, я опешила. Думала, хотя бы в машине меня замучают расспросами. А они ведут себя так, словно с вечерних занятий у Беатрис меня забрали.

Нет, это невозможно. Не верится.

А если я буду молчать? Вообще ни слова не скажу. Они, как всегда, почувствуют мою обиду. И спросят: «Ну ты чего надулась?» А я так по-взрослому отвечу тихо: «Ничего, всё в порядке». Вот тогда им станет стыдно!

Некоторое время мы ехали в тишине. А потом папа спросил:

— Так что в результате? Ты же вернулась. И что?

Я вскинула голову, но он смотрел на маму.

— Ну вернулась... — протянула мама. — Она уже занята была с другой пациенткой.

— И ты не спросила?
— Спросила. Волнуются.
— Почему?!
— Возраст, Коля, возраст.
— Да брось ты!
— Тебе всё — «брось»! — раздраженно ответила мама, отвернулась и принялась крутить ручку, чтобы открыть окно.

— Не открывай, кондиционер сломается, — предостерег папа.

— Ерунда твой кондиционер, духота, как в теплице, — буркнула мама и подставила лицо утреннему воздуху.

Папа покачал головой и нажал какую-то кнопку.

— Подожди! — встрепенулась мама. — А Машку нам когда забирать?

Папа не успел ответить.

— Я тут! — заорала я. — Ты что, про меня забыла?!

Мама ойкнула и, развернувшись ко мне, потрепала по колену.

— Прости, я тут задремала.

— Мам, вы вообще-то не собираетесь...

— Не приставай к маме, — перебил меня папа и тут же добавил: — Пожалуйста.

У меня всё поплыло перед глазами. С ума сойти. Почти месяц не видели дочь и говорят «не приставай». Словно я Гуся, который канючит и требует планшет. Ладно. Больше не услышат ни словечка. Вернусь домой — сразу запрусь в своей комнате. Хоть она меня ждет.

Но я ошибалась. Моя комната не ждала меня. Точнее, она ждала не меня, а моих родителей.

Да-да. За время моего отсутствия родители подготовили «сюрприз».

Папа так и сказал: «Сюрприз!» И открыл дверь в их с мамой спальню. Я решила, что они сделали перестановку и хотят продемонстрировать. Заглянула, а там... Там стоит моя

кровать. Мой письменный стол. Мой шкаф с одеждой. А на подоконнике свалены в беспорядке мои книги.

— Извини, не успели, — сказал папа, кивнув на книги. — Мама хотела расставить, но забыла... Она теперь... Ну, в общем, не успели мы, прости.

Наверное, у меня было что-то вроде шока, потому что я кивнула, а потом всё-таки заглянула в свою комнату. Там по центру громоздилась родительская кровать, огромная и нелепая, а вещи были в еще большем беспорядке, чем в предыдущей комнате.

«Надо сказать, что я против, — пронеслось в голове, — и вернуть всё как было. Сама могу всё переставить!» Во мне занималась, словно пламя, такая ярость, что казалось, я способна даже кровать родительскую перетаскать.

— А почему вы решили это устроить, — стараясь говорить ровно, спросила я, — эту перестановку? Почему?

Слова рассыпались, будто я пыталась их слепить из пляжного песка.

— Мы думали, ты обрадуешься, — пробормотала мама, заходя в их комнату, то есть в их с папой бывшую комнату, и распахивая окна.

Я отметила, что ко мне она так свободно не заходила, всегда с порога давала понять: это не ее территория. А теперь будет в обе комнаты забегать.

Удобненько.

— Обрадуюсь — чему? — наморщила лоб я.

Происходящее всё больше напоминало рассказик какого-нибудь абсурдиста вроде Хармса. Как там было? Куда-то там падали старушки... Чему можно обрадоваться?

— Ну, тут соседей не слышно, — сказал папа. — Ты жаловалась, что у них малыш плачет.

— Малыш — ерунда, а вот зажаркой от них действительно тянуло, — покачала головой мама. — У тебя костюм для работы луком пропах!

Незаметно за спиной я обхватила пальцами правой руки локоть левой и сжала сильно-пресильно. Нужно проснуться, выбраться из дурного сна в реальность. Какой малыш?! Какая за жарка?

— Да, и обрати внимание, — бодро сказала мама, — мы тебе два стула поставили. В твоей-то комнате один был. Второй — для ученика!

Я молча посмотрела на нее. И тут до меня дошло. Дошла вся правда, как она есть. Как будто мне кто-то ее нарисовал на белом листке черным маркером. Мама заболела. Причем серьезно. И я даже знаю чем.

Прошлым летом на даче мы с Катей посмотрели фильм «Всё еще Элис» с Джулианной Мур. Обревелись. В нем у Джулианны Мур, то есть не у нее, а у ее героини Элис, обнаружили болезнь Альцгеймера! Это когда всё забываешь... Сначала слова. Потом имена детей. Потом — где в доме туалет.

Кошмар, какой кошмар... Понятно теперь, откуда эти разговоры про доктора и пациентов, про справку на работу. Понятно, почему она забыла про книги. Ужас, бедная мама... И конечно, понятно, почему они не спрашивали меня! Во-первых, им не до этого... А во-вторых, мама забыла, что я была в Испании!

Бедная...

Я шагнула к ней, чтобы обнять, прижать к себе и пообещать, что я, как дочка Джулианны Мур из фильма, буду с ней до самого... самого конца. Но мама отшатнулась и спросила:

— У тебя новые духи? Персиком пахнут?

— Нет, — шмыгнула носом я. — Просто задремала в самолете на плече подруги, с которой я была в... Неважно где, мам.

— А, — наморщила мама лоб, — это та девочка, которая болела. Как ее...

Мама щелкнула пальцами. Я еле сдержала слезы. Старалась не смотреть на папу. Наверняка тоже плачет, как муж Джулианны Мур.

— Марина, — подсказал папа весело. — Ань, не мучайся. Сама знаешь, какой тебя туман ждет.

Меня как током ударило. Почему он смеется?! У него от переживаний крыша поехала?

— Коля, не пугай Машу, — в тон ему ответила мама.

«Нашли повод для шуток!» — разъярилась я. А может, это нормально? Шутить даже в самой безвыходной ситуации?

— Машута, — вздохнула мама, — нам надо кое-что тебе сказать.

— Я и так поняла, мам, — тихо проговорила я.

— Да? — потрясенно спросила она.

— Конечно. Чего тут непонятного... Всё же ясно.

Мама с папой обменялись взглядами.

— Ну и как? — спросила мама. — Ты рада?

— Рада, что у тебя Альцгеймер? — изумилась я. — Да ты что, в самом деле? Я люблю черный юмор, но не настолько же.

— Ма... — папа не договорил.

Подавился хохотом. Схватился за бока и, как в кино, согнулся. Мама только смотрела огромными глазами то на него, то на меня.

— А я, — сквозь смех силился выговорить папа, — а я говорил, что ей давно надо сказать! Я говорил! Я прав! Я всегда прав! Ой, не могу!

— Что?! — закричала я. — Сказать — что?!

— Что у нас будет ребенок, — сказала мама. — Еще один. Вроде бы мальчик. Но не факт. Вот. Мы давно узнали, но решили тебя не беспокоить. Да и срок еще небольшой был. Всякое бывает.

Я попятилась и села на свою кровать. Тут уж настала моя очередь вытаращиться на них обоих.

— Как это?

Мама пожала плечами и слабо улыбнулась. Папа наконец перестал смеяться. Только усмехался и качал головой.

— А разве, — медленно сказала я, — тебе еще можно... можно их ждать?

Папа фыркнул. Мама тоже — с обидой.

— Конечно, — ответила она. — Я же не старая.

— А зачем? — вдруг спросила я.

Стало тихо-тихо. За окном слышались удары отбойного молотка. Где-то рядом с нами ремонтировали дорогу.

— Ну как, — неуверенно сказала мама. — Чтобы когда ты выросла... ну то есть когда стала взрослой... ну в общем, чтобы ты не осталась одна.

— То есть ради меня?

Мама закивала. Я знала: не стоит этого говорить. Но всё равно сказала. Тихо и четко:

— Но ведь я не просила.

— Так, ну хватит! — заявил папа.

Мигом с него слетела вся дурацкая веселость. Он нахмурился и сложил руки на груди.

— Надо было, что ли, у тебя спросить? — с вызовом поинтересовался он.

— Коля, подожди, — мама ухватила его за руку, расцепляя замок на груди. — Коль, ну ребенок переживает.

— Ребенок? — сощурился папа. — Она же считает, что выросла.

Я отвернулась к окну. На подоконнике сидел тот самый птеродактиль, с которым чуть не столкнулся мой самолет. Он махнул кожистым крылом и хрипло прокаркал: «С возвращением!»